

Туберовский А. М. Внутренний свет [Толкование слов «свет, который в тебе» (Мф. 6, 23; Лк. 11, 35)] // Богословский вестник 1914. Т. 2. № 5. С. 25–47 (2-я пагин.).

ВНУТРЕННИЙ СВѢТЪ.

...τὸ φῶς τὸ ἐκ σοι...
Ме. VI, 23; Лк. XI, 35

Стихи 22 и 23 шестой главы евангелія по Матею съ параллельнымъ текстомъ евангелія по Лукѣ (XI, 33—36) обра- зуютъ одно изъ труднѣйшихъ для истолкованія мѣсто Свящ. Писанія. Пишущему эти строки приходилось слышать и чи- тать различныя объясненія даннаго мѣста, но ни одно изъ нихъ не могло дать чувство полнаго удовлетворенія. Ми- нувшимъ великимъ постомъ мнѣ пришлось еще разъ заду- маться надъ словами Спасителя о „свѣтѣ“, иже въ тебѣ“. Подъ рукой у меня былъ исправленный текстъ Нового За- вѣта въ изданіи и съ примѣчаніями В. Weiss'a. Прочитавъ по-гречески изреченіе, я познакомился и съ объясненіемъ, даваемымъ ему въ примѣчаніи Б. Вейссомъ. Но и оно меня не удовлетворило—своей мало-определенностью и необосно- ванностью. По счастливой случайности, въ тотъ же день мнѣ пришлось быть въ академической библиотекѣ. Обозрѣвая те- кущую печать, я встрѣтилъ въ журналѣ *Zeitschrift für wis- senschaftliche Theologie* статью *Das Auge ist des Leibes licht* со ссылкою на то самое мѣсто Евангелія, которымъ въ это время былъ заинтересованъ и я. Беру журналъ и читаю. Статья подписана именемъ немецкаго пастора—Фридриха Швенке (Fr. Schwencke). Изъ этой статьи я узнаю, что и немецкій комментаторъ Юлихеръ (Jülicher) признаетъ Ме. VI, 22—23 труднѣйшимъ для пониманія отрывкомъ и что различные экзегеты понимаютъ его за границей, какъ и у насъ, раз-лично. Что касается самого автора, то онъ, обращая вниманіе на этическій оттенокъ выражений: ἀπόλυτος и κονηρός,— характеризующихъ διφαλμός съ положительной и отрица-

тельной сторонѣ, стремится дать односторонне-наизнадательный комментарій. Тогда я самъ сталъ вчитываться въ греческій текстъ и былъ пораженъ ослѣпительно-яснымъ смысломъ изреченія

τὸ φῶς τὸ ἐν σοὶ.

Меня какъ бы озарилъ своего рода свѣтъ и я понялъ, постигъ всѣмъ существомъ своимъ, что въ указанныхъ мѣстахъ обоихъ евангелій рѣчь идетъ именно о томъ самомъ свѣтѣ, одно изъ слабѣйшихъ осіяній котораго являетъ собою произведенное имъ только что во мнѣ впечатлѣніе и пониманіе... Дальнѣйшія строки и представляютъ собою изложеніе этого пониманія.

I.

Одѣть повседневной жизни непосредственно вѣщаетъ намъ о существованіи видимаго свѣта. Какъ элементъ вида наше сущаго міра, свѣтъ этотъ въ отношеніи къ нашему собственному существу, является чуждымъ, „внѣшимъ“; по характеру воспріятія,—чувственнымъ; по субстрату—материально-физическімъ. Сомнѣваться въ его существованіи или отрицать его имѣть основаніе только слѣперожденій. Воспринимать его можетъ не только человѣкъ, но и животное, даже не надѣленное особымъ органомъ зрѣнія, а впитывающее его въ себя, такъ сказать, всемъ своей чувствующей поверхностью. Безъ свѣта, наконецъ, не живеть ни одно растеніе, которое, какъ бы это ни было элементарно и чахло, всегда тянется къ источнику свѣта; слѣпое, оно, тѣмъ не менѣе ищетъ его; не имѣющее зрѣнія и воли, стремится къ нему, испытываетъ, какъ выражаются біологи, *фототротизмъ*. Ученію о свѣтѣ посвящается цѣлый большой отдѣль физики; о немъ же трактуютъ: физіология и медицина—въ главахъ, изслѣдующихъ строеніе и болѣзни глаза, какъ органа воспріятія свѣта, и біология, разсматривая свѣтъ, какъ одно изъ условій органической жизни. Такъ обстоитъ дѣло съ *внѣшимъ*, чувственнымъ, материально-физическимъ свѣтомъ.

Но есть другой свѣтъ, который, по противоположности съ первымъ и по характеру среды, гдѣ онъ обнаруживается, можетъ быть названъ, внутреннимъ, духовнымъ. Этотъ свѣтъ столь же реаленъ, такъ же важенъ для жизни духовной, сколь и какъ реаленъ и важенъ первый въ мірѣ физиче-

скомъ, для жизни органической. Лишь при наличности этого свѣта, становится доступнымъ созерцаніе предметовъ и красота духовнаго міра. Только подъ условиемъ „внутренняго“ освѣщенія въ той или другой степени, возможенъ правильный ростъ, цвѣтеніе и плодоношеніе души. Къ сожалѣнію, этотъ свѣтъ игнорируется не только психологіей, наукой о душевныхъ явленіяхъ, одно изъ которыхъ онъ составляетъ, но и, что всего удивительнѣе, теологіей, изучающей религіозную сторону жизни, где этотъ свѣтъ всего интенсивнѣе и чаще обнаруживается. Причина этому лежитъ, быть можетъ, какъ въ самой природѣ внутренняго свѣта, такъ и въ воспринимающій его способностяхъ человѣка. Понятіе научной объективности слишкомъ сужено и ограничено вѣтшней, импірической реальностью, или душевной обыденностью, тогда какъ внутренній свѣтъ представляетъ собой явленіе иного, высшаго порядка. Съ другой стороны, если въ отношеніи къ физическому свѣту, воспринимаемому даже животными, существуютъ индивидуумы, лишенныя возможностей и счастья зрѣть его, то еще болѣе должно быть слѣпыхъ въ отношеніи свѣта внутренняго, для восприятія котораго нѣть ни специфического органа, ни соответствующихъ всегда нравственныхъ условій. Однако, сколько бы наукой ни игнорировался,—а нѣкоторыми даже и,—отрицался внутренній свѣтъ, онъ представляетъ собою несомнѣнныи фактъ духовной, въ особенномъ же смыслѣ-религіозной жизни человѣка. Источникъ утвержденія этого факта тогъ же, что и въ отношеніи къ физическому свѣту, т. е. опытъ, только не вѣтшній, а, соответственно характеру самого феномена, главнымъ образомъ внутренній. Что жа касается игнорирующей науки и нѣкоторыхъ, совсѣмъ не признающихъ духовнаго свѣта, то первая не можетъ претендовать на званіе единственной выразительности универсальной истины, а „нѣкоторые“ могутъ быть и „слѣпы“. Не касаясь пока природы внутренняго свѣта, констатируемъ лишь самый фактъ, его наличность въ опыте человѣчества.

Начну съ высшихъ ступеней христіанской мистики, где „внутренній свѣтъ“ имѣть особое значеніе, где его интенсивность равна силѣ физического свѣта и где, поэтому, его созерцаніе сопровождается наивысшимъ чувствомъ ре-

альности. Документы такого интимнаго содержанія не малочислены, и какъ всей своей совокупностью, при значительной иногда хронологической отдаленности другъ отъ друга и авторской независимости, такъ и каждый отдельно, благодаря своей искренности и правдивости въ другихъ отношеніяхъ, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ дѣйствительности внутренняго свѣта.

Вотъ немногіе—изъ очень многихъ примѣровъ:

Преподобный Симеонъ, Новый Богословъ, въ одномъ изъ своихъ словъ (91-е по переводу еп. Феофана; изд. 2-е, Москва, 1890, стр. 496) въ молитвеной, слѣдовательно, наиболѣе искренней, формѣ выражаетъ слѣдующее: „Приходя такимъ образомъ ко мнѣ и отходя довольно долгое время, Ты, все яснѣе и яснѣе являлся мнѣ, все больше и больше омывалъ меня водами своими, и даровалъ мнѣ видѣть свѣтъ все болѣе и болѣе чисто, все болѣе и болѣе обильно. Дѣлая это для меня многое время, Ты, наконецъ, сподобилъ меня увидѣть и нѣкое страшное таинство. Однажды, когда ты, пришедши, орошаешь и омывалъ меня, какъ мнѣ казалось водами и многократно погружая меня въ нихъ, я видѣлъ молніи, меня облиставшія, и лучи отъ Лица Твоего, смѣшивавшіеся съ водами, и видя, какъ омываешь быть водами свѣтовидѣйшими и блестящими, пришель въ изступленіе“...

Тотъ же Святой Отецъ объ одномъ послушникѣ (по всей вѣроятности, о самомъ себѣ) передаетъ вотъ что. „Одинъ юный рассказывалъ мнѣ, что былъ онъ послушникомъ у одного старца благоговѣйнаго, равнаго по добродѣтелямъ великимъ святымъ, и слыша, какъ онъ часто говоривалъ, что на тѣхъ, которые подвизаются, свыше приходятъ божественные озаренія и множество свѣта, въ каковомъ состояніи бываетъ и собесѣданіе Бога съ человѣками, удивлялся сему, и такое, говорилъ онъ мнѣ, возымѣль я желаніе получить и себѣ такое благо, что отъ жажданія того, забывалъ все земное и небесное,—забывалъ пищу и питіе, и всякой тѣлесный покой... Въ одинъ день пошли мы въ городъ, близъ котораго онъ жилъ, для посѣщенія духовныхъ дѣтей его, и пробыли тамъ весь день. Вечеромъ возвратились мы въ келлію, отъ большого труда и жара алчные и жаждущие: ибо старецъ не имѣль обычая гдѣ либо ѿстѣ или отдыкатъ; —было же тогда лѣто, и старцу,—годовъ съ шестьдесятъ.

Когда съели мы за столъ, я не ъль, потому что очень утомился и думалъ, что если поѣмъ и попью, то совсѣмъ не смогу стать на молитву, и съ обычнымъ жаромъ испрашивать желаемаго. Такъ думалъ я и сидѣлъ, какъ бы находясь въ себѣ. Тогда святый мой, смотря на меня и, по дару прозорливости, зная причину, по которой я не ъль, и какими мыслями занята голова моя, возъяримъ жалость ко мнѣ и сказалъ: ѿшь, чадо, и пей, и отнынѣ оставь всякую печаль; потому что если бы Богъ не хотѣлъ явить тебѣ милость, то не благоволилъ бы Онъ привести тебя ко мнѣ. Итакъ, поѣли мы и напились, паче нежели вдоволь; ъль и онъ, снисходя къ моему изнеможенію. Когда потомъ убрали мы трапезу, говорить мнѣ онъ: вѣдай, чадо, что Богъ не благоволитъ много ни къ посту, ни къ бдѣнію, ни къ другому какому тѣлесному труду, ни какому другому добромъ дѣлу, и не являеть Себя никому другому, кромѣ только смиренной, непытливой и благой души и сердца... Отпуская меня, старецъ далъ мнѣ заповѣдь—прочитать на ночь лишь Трисвятое,—и лечь. Вошедши туда, гдѣ имѣлъ я обыкновеніе молиться, и начавъ: „Святый Боже“,—и вспомнивъ слово святаго старца, я вдругъ заплакалъ, и въ такія пришель слезы, и въ такой пламень къ Богу, что не могу выразить того словомъ, ни той радости и сладостнаго утѣшенія, какія были тогда во мнѣ. Падши затѣмъ лицемъ наземь, я увидѣлъ нѣчто дивное, ибо се—возсіялъ мысленно во мнѣ великий свѣтъ (курсивъ мой) и взялъ къ себѣ весь мой умъ и всю душу. Изумился я такому чуду внезапному и сталъ какъ въ себѣ, забывъ и мѣсто, въ которомъ стоялъ, и что такое я, и гдѣ я,—вопіялъ только: „Господи помилуй“, какъ догадался, когда пришелъ въ себя... Въ душѣ же моей онъ произвелъ радость великую, чувство умное и сладость, высшую всякой сладости чувственной. Сверхъ того онъ даровалъ мнѣ дивно свободу и забвеніе всѣхъ помысловъ, кои въ мірѣ, и открылъ самый способъ исхожденія изъ настоящей жизни; потому что всѣ чувства ума и души моей прilѣплены были тогда къ единому неизреченному веселію и радости отъ того свѣта.—Но когда безмѣрный тотъ, явившійся мнѣ, свѣтъ мало-по-малу умалился, и наконецъ совсѣмъ сталъ невидимъ, тогда я пришелъ въ чувство и призналь, какія дивности внезапно произвела во мнѣ сила того

свѣта... Свѣтъ оный",—продолжалъ ученикъ великаго старца, описывая дѣйствія открывшагося въ немъ съ такою силою духовнаго свѣта: „свѣтъ оный, когда является, веселить, и когда скрывается, оставляетъ рану и болѣзнь въ сердцѣ. Приходя, или нисходя на меня, онъ возводить меня на небеса, одѣвая и меня свѣтомъ. Онъ является мнѣ, какъ нѣкая звѣзда, и есть невмѣстимъ для всей твари, сияетъ какъ солнце,—и мнѣ понятно, какъ вся тварь держится силою его. Онъ показываетъ мнѣ все, что есть въ твореніи,—и повелѣваетъ мнѣ не заходить за предѣлы человѣческаго естества. Меня объемлютъ кровля и стѣны, а онъ отвергаетъ мнѣ небеса. Поднимаю чувственныя очи мои, чтобы посмотретьъ, что есть на небѣ, и вижу, что тамъ все такъ же есть, какъ было прежде" ... (Слово 86-е по тому же изданію; стр. 435—439).

Такія же данныя о „внутреннемъ свѣтѣ“ можно встрѣтить въ твореніяхъ и другихъ отцовъ—мистиковъ: Преп. Макарія Великаго, Преп. Исаака Сирскаго, до позднѣйшихъ включительно: еп. Феофана, прот. Іоанна Кронштадтскаго.

Однако, не одними „мистиками“, но и святыми отцами—„теоретиками“ „внутреннему свѣту“, выступающему, впрочемъ, у нихъ въ сравнительно слабой (интеллектуальной) формѣ, придается огромное значеніе.

Возьму въ примѣръ Св. Григорія Богослова. Изъ его твореній не видно, чтобы ему были известны мистическая состоянія, характерная для только что цитованнаго Преп. Симеона Нового Богослова. Но и онъ въ своихъ словахъ столь часто упоминаетъ о „свѣтѣ“, такъ много восписуетъ ему въ области бого-вѣданія и вообще познанія истины, что не можетъ быть и сомнѣнія, о какомъ именно свѣтѣ говорить онъ.

Такъ, въ началѣ слова „о поставленіи епископовъ и о догматѣ Святых Троицы“ (20-го по русскому переводу, 3 изд. „Твореній“, ч. 2-я, Москва, 1889; стр. 133—134) читаемъ: „Когда смотрю на усиливающуюся нынѣ болѣзнь языка, на скороспѣльныхъ мудрецовъ, на производимыхъ вновь богословъ, для которыхъ довольно только захотѣть, чтобы стать мудрыми: тогда ощущаю потребность высшаго любомудрія, ишу съ Іеремію „виталища послѣдняго“ (Іер. 9, 2.), и же-

лаю быть одинъ съ самимъ собою. Ибо для меня всего кажется лучше, замкнувъ какъ бы чувства, отрѣшившись отъ плоти и міра, безъ крайней нужды не касаясь ни до чео человѣческаго, бесѣдуя съ самимъ собою и съ Богомъ, жить превыше видимаго, всегда носить въ себѣ божественные образы, чистые, не смѣшанные съ дольними и обманчивыми напечатлѣніями, быть и непрестанно дѣлаться какъ бы неопиращеннымъ зерцаломъ Бога и божественнаго, *пріобрѣтать по свѣту свѣть, — къ мене ясному лучезарнѣйши* (курсивъ мой); пока не взойдемъ къ Источнику тамошнихъ озареній, и *не* достигнемъ блаженнаго конца, когда дѣйствительность сдѣлаеть не нужными зерцала. Посему, едва ли кто въ состояніи преодолѣть влекущее долу вещество, развѣ уже обучилъ себя долговременнымъ любомудріемъ, и постепенно отторгаль отъ низкаго и сопряженного со тьмой, что есть въ душѣ благороднаго и свѣтовиднаго, или удостоился Божией милости, или, сверхъ того и другаго, прилагалъ всевозможное стараніе вознести взоръ свой горѣ. А пока нѣть силъ преодолѣть вещественное, достаточно очистить слухъ и мысли; до тѣхъ порь не безопасно принимать на себя поученіе о душахъ и вдаваться въ богословствованіе".

Особенно много разсыпано св. Григоріемъ Богословомъ свидѣтельствъ о „внутреннемъ свѣтѣ“ въ словахъ: „на святые свѣты явленій Господнихъ“ и „на святое крещеніе“ (39 и 40 по тому же изд.). Такъ, въ послѣднемъ словѣ, говоря о трехъ живыхъ „свѣтахъ“: Богъ, какъ свѣтъ высочайшемъ и самобытиномъ, Ангелъ, свѣтъ вторичномъ и эзимствованномъ, и человѣкъ, признаваемомъ за свѣтъ даже въ языческомъ мірѣ, Св. Григорій называетъ другіе виды и откровенія свѣтга: перво-зданный, райскую заповѣдь, законъ, куцину, огненный столпъ, колесницу Иліи, свѣтъ виолеенскій и т. д. „Сверхъ сего“ — заканчиваетъ свое перечисленіе Св. Григорій: „свѣтъ въ собственномъ смыслѣ есть просвѣщеніе Крещенія, о которомъ у насъ нынѣ слово, и въ которомъ заключается великое и чудное таинство нашего спасенія“ (40-е сл., ч. 3-я; стр. 226—228).

Опредѣляя подробно характеръ ваптисматического просвѣщенія, Св. Григорій Богословъ говоритъ: „Просвѣщеніе есть свѣтлость душъ, измѣненіе жизни, „вопрошеніе совѣсти“, которая отъ Бога (1 Петр. 3, 21.). Просвѣщеніе есть пособіе

въ нашей немоющіи, отложеніе плоти, послѣдованіе Духу, общеніе съ Словомъ, исправленіе созданія, потопленіе грѣха, *участіе свѣта*, (курсивъ мой), разсвѣяніе тьмы. Просвѣщеніе есть колесница возносяща къ Богу, сопутствованіе Христу, подкрѣпленіе вѣры, совершеніе ума, ключъ царствія небеснаго, перемѣна жизни, снятіе рабства, разрѣшеніе отъ узъ, претвореніе состава. Просвѣщеніе (нужно ли перечислять многое?) есть лучшій и величественнѣйшій изъ даровъ Божіихъ. Какъ есть именуемое Святая - Святыхъ и пѣсни пѣсней; поколику послѣднія многообъемлющи и особенно важны; такъ и оно свѣтлѣе всякаго иного, возможнаго для насъ, просвѣщенія". (Тамъ же, стр. 225). Изъ такой характеристики „просвѣщенія“ ясно видно, что тотъ свѣтъ, о которомъ учитъ Григорій Богословъ, носить характеръ внутренне-духовный.

Тотъ же самый „внутренній свѣтъ“ переживали и конституировали въ своихъ твореніяхъ Св. Кириллъ Іерусалимскій, Св. Василій Великій и другіе Отцы Церкви, теоретики и практики.

Энергія „внутренняго свѣта“ бываетъ иногда столь велика, что, какъ бы не довольствуясь озареніемъ „внутренняго человѣка“, она излучается во-внѣ и по-своему „превращается“ въ energію видимаго свѣта, одѣваю собою, „яко ризою“, даже тѣло человѣка. Примѣры такой видимой свѣтозарности отъ преисполненія души внутреннимъ свѣтомъ среди святыхъ безчисленны. Начнемъ съ подвижниковъ послѣдняго времени.

Всѣмъ интересующимся явленіями мистической жизни долженъ быть хорошо извѣстенъ, записанный очевидцемъ (Мотовиловымъ), случай изъ жизни Преп. Серафима Саровскаго. Сидя на карточкахъ на полянкѣ среди саровскаго лѣса, засыпаемый снѣгомъ (какая „жалкая“, униженная обстановка!), Преп. Серафимъ явилъ ученику своему и почитателю Мотовилову „славу свою“, внѣшне обнаружилъ внутренне-присущую ему Благодать Св. Духа. Ликъ его просиялъ, какъ солнце, что вызвало даже своеобразное отраженіе духовнаго свѣта на лицѣ самого Мотовилова.

Нѣчто подобное передается изъ жизни оптинскаго старца іеросхимонаха Амвросія.

Менѣе замѣтное просвѣтленіе лица наблюдалось также у еп. Феофана, прот. Иоанна Кронштадтскаго и др.

Если мы углубимся въ вѣка древности христіанской, когда пульсъ благодатной жизни бился интенсивнѣе, то, вмѣстѣ съ другими внѣшними обнаруженіями „горѣнія духа“, мы и видимыхъ излученій внутренняго свѣта найдемъ гораздо болѣе, чѣмъ въ наше „просвѣщенное“ время. Сколько такихъ случаевъ собрано и записано въ одномъ „Лугѣ Духовномъ“, аскетическомъ памятникѣ VI в., твореніи блаж. Иоанна Мосха! Сколько ихъ въ другихъ подобныхъ документахъ до „Житій“ включительно!

Объ одномъ подвижнику, напр., рассказывается, что онъ никогда не возжигалъ огня въ своей кельѣ, такъ какъ она и безъ того всегда была озарена яркимъ свѣтомъ, что могли наблюдать и посторонніе.

О другомъ подвижнику (Павлѣ Латрскомъ) сообщается, что достаточно ему было стать на молитву и воздѣть руки къ небу, какъ эти самыя руки начинали сіять, точно лампады и т. д. и т. д.

Приведу еще одинъ примѣръ изъ твореній уже цитированнаго выше Святого Отца—„теоретика“.—Св. Григорій Богословъ въ словѣ, посвященномъ своему отцу Григорію Старшему (18-мъ по цит. изд.) разсказываетъ, со словъ очевидцевъ, о чудѣ—явленіи свѣта, происшедшемъ при крещеніи отца. „Предложу о семъ во услышаніе однихъ вѣрныхъ, ибо душамъ нечистыхъ все кажется невѣроятнымъ. Родитель приступаетъ къ возрожденію водою и духомъ, чрезъ которое, какъ исповѣдуемъ предъ Богомъ, образуется и совершается человѣкъ Христовъ, земное прелагается въ духъ и возсозидаются. Приступаетъ же къ омовенію съ пламеннымъ желаніемъ, съ свѣтлою надеждою, предпочитивъ себя сколько могъ, ставъ по душѣ и по тѣлу гораздо чище готовившихся принять скрижали отъ Моисея. Ибо ихъ очищеніе простидалось на одинъ одѣжды, состояло въ кратковременномъ цѣломудріи и въ томъ, чтобы обуздѣть нѣсколько чрево; а для него вся протекшая жизнь была пріуготовленіемъ къ просвѣщенію и очищеніемъ до очищенія, ограждающимъ даръ, дабы совершенство ввѣreno было чистотѣ, и даруемое благо не подвергалось опасности отъ навыковъ, противоборствующихъ благодати. При выходѣ изъ воды осияваетъ его свѣты и

слава достойная того расположения, съ какимъ приступилъ онъ къ дарованію вѣры. Сие явствено было и для другихъ (курсивъ мой). Хотя они сохранили тогда чудо въ молчаніи, не осмѣливаясь разглашать, потому что каждый почиталъ себя одного видѣвшимъ; однако же вскорѣ сообщили о томъ другъ другу. Но тому, кто крестилъ и совершилъ его таинствомъ, видѣніе было весьма ясно и вразумительно, и онъ не могъ сохранить его втайне, но всенародно возвѣстилъ, что помазалъ Духомъ своего преемника". (Часть 2-я, стр. 92—93).

Такія знаменія „внутренняго свѣта“ при крещеніи бывали не разъ и не въ одно только древнее время. Одинъ священникъ писалъ Льву Н. Толстому, убѣждая его вернуться въ Церковь, что онъ, священникъ, своими собственными глазами, каждый разъ видитъ свѣтъ, при совершенніи таинства крещенія. (Письмо это было напечатано въ журналѣ „Христіанинъ“, изд. Преосвящ. Евдокима).

Эти и др. подобные факты нельзя ни оспаривать, въ виду ихъ многочисленности, ни тѣмъ менѣе отрицать. Ихъ можно только игнорировать, какъ игнорируются многіе иные феномены духовной жизни, и по-различному объяснять. Происходившіе нѣкогда на Аѳонѣ споры о природѣ „еварorskаго свѣта“ служать наилучшей „исторической“ гарантіей дѣйствительности подобныхъ явлений.

Приведенные примѣры видимой свѣтозарности не составляютъ, собственно говоря, самаго „внутренняго свѣта“, о которомъ у насъ рѣчь. Они лишь служать виѣшней оболочкой, дополнительнымъ аксессуаромъ, утверждающимъ со стороны даже виѣшняго опыта, реальность „внутренняго свѣта“ въ моменты, такъ сказать, его наивысшаго напряженія.

Указанными примѣрами внутренняго свѣта и его отраженій, какъ наиболѣе типичными, заимствованными изъ области религіозно-христіанской мистики, я хотѣлъ только доказать самый фактъ существованія „внутренняго свѣта“. Однако, явленіе это, хотя и не въ такой типичной формѣ, имѣетъ болѣе обширную сферу существованія. Его можно констатировать и въ мистикѣ другихъ религій: буддизмѣ, магометанствѣ и даже язычествѣ, не говоря о христіанскихъ инославныхъ исповѣданіяхъ и сектахъ. Съ другой стороны,

„внутренний свѣтъ“ находитъ себѣ широкое примѣненіе въ обиходѣ нашей обыденной жизни.

Первое положеніе—наличность „внутренняго свѣта“ въ нехристіанскихъ религіяхъ, даже въ язычествѣ (Плотинъ и др. неоцлатоники), не должно наскъ смущать потому, что, если физическое солнце, по благости Отца Небеснаго, одинаково освѣщаетъ добрыхъ и злыхъ, то, по той же безпредѣльной благости, и внутренній свѣтъ можетъ озарять (конечно, не одинаково, въ этомъ д. б. разница между физическимъ и духовнымъ свѣтомъ) не только христіанъ, но и нехристіанъ, по крайней мѣрѣ, „избранныковъ“.

Св. Іоаннъ Богословъ называетъ Божественный Логосъ свѣтомъ, „просвѣщающимъ всякаго человека, вступающаго въ міръ“. (Ін. 1, 9). Слѣдовательно, по учению Евангелиста—Богослова, духовнаго, внутренняго свѣта—свѣта истины и жизни,—не лишенъ и язычникъ, хотя и затмевающей своею ложью и нечистотой свѣтъ Логоса, но не помрачающей его въ себѣ до полнаго, безслѣднаго уничтоженія (что признается нами, напр., и относительно „Образа Божія“).

Апологеты, начиная со Св. Іустина Мученика, учили, что „сѣмѧ“, или, что то же, свѣтъ Логоса, воплотившагося со всею полнотою только во Христѣ, тѣмъ не менѣе, въ разсѣянномъ видѣ присуще всему міру, причемъ особенно замѣтно выступаетъ въ законодателяхъ, поэтахъ и мудрецахъ, бывшихъ для язычниковъ тѣмъ же, чѣмъ служили, по учению Апостола Павла, законъ и пророки для евреевъ, т. е. путеводителями ко Христу, только, конечно, въ гораздо слабѣйшей степени.

Итакъ, безъ противорѣчія самому же христіанскому учению, мы не можемъ ограничивать область „внутренняго свѣта“ однѣмъ христіанскимъ міромъ, но должны расширить ее до болѣе далекихъ границъ. Значить, въ извѣстномъ смыслѣ и въ иѣкоторой мѣрѣ внутреннимъ свѣтомъ обладали и Будда (вспомнимъ его „ночь просвѣщенія“), и Сократъ (*διαιρόμενος*), и Платонъ, и Плотинъ, и Магометъ и Лютеръ—до современныхъ намъ писателей и мыслителей,—до Толстого включительно,—такъ какъ въ ихъ ученіи, кроме явной противоположности христіанству, слѣдовательно, темной стороны, была и есть другая свѣтлая сторона—истина.

Второе положеніе, устанавливаемое здѣсь, имѣть толь-

смысль, что внутренний светъ не только не ограниченъ православной мистикой, гдѣ онъ имѣть свое наиболѣе типичное, „яркое“ до виѣшнихъ фотизмовъ выраженіе, но и сферею религіознаго опыта вообще. Онъ имѣть огромную цѣнность и въ другихъ духовныхъ дѣятельностяхъ человѣка, благодаря чего понятіе „внутренняго свѣта“ еще болѣе расширяется. Пусть солнце ярко блѣщетъ въ голубомъ высокомъ небѣ, но оно лѣтъ свои лучи и на грѣшную землю, и здѣсь, на землѣ, оно не только освѣщаетъ вершины горъ, блѣщетъ на крестахъ и „золотыхъ маковкахъ“ храмовъ, но и проникаетъ въ лачуги бѣдняковъ, даже въ ворѣлы злодѣевъ.

„Внутренній свѣтъ“ это не только тропической лучъ, сверкающій въ душѣ мистика и вызывающій пышный расцвѣтъ всѣхъ ея силъ, но и—съверное холодное сіяніе фантазіи художника, сумеречное ясновидѣніе поэта, „волшебный фонарикъ“, тихо мерцающій въ мысли ученаго.

„Внутреннему свѣту“ не только всѣ религіи, но и вся учено-художественно-практическая дѣятельность человѣка обязана всѣмъ, что въ ней есть наиболѣе величественнаго и цѣннаго, возвышенного и глубокаго.

Въ широкомъ значеніи слова, „Внутренній свѣтъ“, это—озареніе души мыслителя новой плодотворной идеей, это—прозрѣніе таланта, геніальнаа мысль, творческое вдохновеніе, философская интуиція.

Логика человѣка съ ея органомъ—мозгомъ отчасти замѣнила: какъ есть пишущія и счетоводныя машины, облегчающія и замѣняющія письмо и математическое соображеніе; какъ есть граммофоны, увѣковѣчивающіе и замѣняющіе живую рѣчъ и т. д.,—такъ возможны и „думающія“, логическая машины, (одна изъ такихъ недавно демонстрировалась въ Москвѣ), замѣняющія человѣческую мысль со всей ея механикой. Но „внутренній свѣтъ“ незамѣнимъ, какъ своеобразная духовно-жизненная стихія.

Оканчивая первую главу очерка, въ которой имѣлось въ виду дать только общее констатированіе факта „внутренняго свѣта“, не могу не отослать читателей къ изслѣдованіямъ, болѣе полнымъ и компетентнымъ, каковыми являются: „Многообразіе религіознаго опыта“ В. Джемса, „Свѣтъ Незримый“ М. В. Лодыженскаго, „О духовной истинѣ“ свящ. П. А. Флоренскаго.

II.

Переходя къ выражению *τὸ φῶς τὸ ἐν σοὶ*, послужившему отправной точкой настоящей статьи, можно съ несомнѣнностью утверждать, что рѣчь идетъ здѣсь именно о „внутреннемъ свѣтѣ“.

Докажемъ сначала, что идея внутренняго свѣта не чужда ни Библіи вообще, ни Евангелію въ частности и особенностіи.

Библія для насъ—памятникъ Божественнаго Откровенія. Самый текстъ этого памятника мы признаемъ бого-вдохновеннымъ. Откровеніе же и вдохновеніе не только въ тѣсномъ, теологическомъ значеніи слова, но и въ широкомъ, общечеловѣческомъ—примѣнительно къ философскому или поэтическому творчеству, суть явленія „внутренняго свѣта“. Извѣстно, что Св. Отцы, сами будучи „богопросвѣщенными“, если только не понимали богоодаренности механистически, въ смыслѣ „богоодержимости“, то разумѣли подъ нимъ именно особое состояніе внутренняго „озаренія“, виновникомъ котораго былъ Св. Духъ.

Факты пророчества, прозрѣнія въ будущее и прошлое, безъ внутренняго свѣта, были бы непонятны и невозможны, какъ лишенная физического свѣта пространственная перспектива.

Не оставляютъ въ томъ никакого сомнѣнія и такія выраженія, какъ: „во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ“, или наставленіе Апостола Петра внимать пророческому слову, пока не озаритъ день и не взойдетъ денница въ собственномъ сердцѣ.

Наконецъ, какъ Ветхому, такъ и Новому Завѣтамъ извѣстны и виѣшнія свѣтоявленія. Такъ, Моисей долженъ быть прикрывать лицо своего рода вуалемъ, вслѣдствіе исходившаго отъ него ослѣпительного блеска. Свѣтомъ сопровождались въ Новомъ Завѣтѣ явленія ангеловъ...

Что касается Евангелія, то, какъ часть Божественнаго Откровенія и Библіи, оно не можетъ не раздѣлять общей идеи „внутренняго свѣта“.

Но Евангеліе есть особеннѣйшая часть, или точнѣе полнота Откровенія, такъ сказать, „Библія въ Библіи“. Это—солнце, въ сравненіи съ которымъ другія богоодаренныя книги—только планеты, сіяющія заимствованнмъ свѣтомъ.

Тамъ вѣщалъ Богъ устами пророковъ; здѣсь говорить съ нами Сынъ Божій—Богочеловѣкъ, вся жизнь Котораго была откровеніемъ—свѣтомъ.

Я—свѣтъ міру (Ін. VIII, 12)—возглашаетъ Христосъ, давая разумѣть въ себѣ абсолютное средоточіе внутренняго свѣта. Онъ не носитель только свѣта, какъ пророкъ, не темный самъ по себѣ и лишь загорающійся отъ пріобщенія Божеству свѣтильникъ, какъ мистикъ, а Само-Свѣтъ, воплощенный, ипостасный Свѣтъ. Эта идея „свѣта“ въ ученіи Господа проступаетъ не рѣдко, особенно въ четвертомъ Евангелии. И каждый, вѣрующій въ Него, по собственному опыту знаетъ, что своимъ внутреннимъ просвѣщеніемъ онъ обязанъ именно этому всемирному свѣту, какъ солнцу—въ мірѣ физическомъ. Христианство это не только религія любви, но и въ такой же мѣрѣ свѣта. Сосредоточенію во Христѣ внутренняго свѣта соотвѣтствовалъ и свѣтъ внѣшній. Сюда относится прежде всего свѣтъ Преображенія єаворскій—свидѣтелями котораго были три ученика, а затѣмъ дамасскій свѣтъ, физически ослѣшившій, но за то духовно просвѣтивший Савла и преобразившій его въ Павла.

Поставимъ теперь изреченіе тѣ фразѣ тѣ єтъ болѣ въ связь съ контекстомъ въ обѣихъ редакціяхъ.

1-я редакція—Мѳ. VI, 22—23: ὁ λύχνος τοῦ σώματός εἰστιν ὁ ὄφθαλμός. εἴναι οὖν ἦν ὁ ὄφθαλμός σου ἀπλοῦς, ὅλον τὸ σῶμά σου φωτεινὸν ἔσται· ἐὰν δὲ ὁ ὄφθαλμός σου πονηρὸς ἦν, ὅλον τὸ σῶμά σου σκοτεινὸν ἔσται· εἰ οὖν τὸ φῶς τὸ ἐν σοὶ σκότος ἔστιν, τὸ σκότος πόσον.

2-я редакція—Лк. XI, 33—36: Οὐδεὶς λύχνος ἀψαλεῖται τὸ φῶς τοῦ μόδιον, ἀλλ᾽ ἐπὶ τὴν λυχνίαν, ἵνα οἱ εἰσπορευόμενοι τὸ φέγγος βλέπωσιν. ὁ λύχνος τοῦ σώματός εἰστιν ὁ ὄφθαλμός σου. Ήταν ὁ ὄφθαλμός σου ἀπλοῦς ἦν, καὶ ὅλον τὸ σῶμά σου φωτεινόν εἶναι ἐπάν τὸ πονηρὸς ἦν, καὶ τὸ σῶμά σου σκοτεινόν. σκόπει οὖν μὴ τὸ φῶς τὸ ἐν σοὶ σκότος εἰστιν. εἰ οὖν τὸ σῶμά σου ὅλον φωτεινόν, μὴ ἔχων μέρος τι σκοτεινόν, ἔσται φωτεινὸν ὅλον φῶς ὅταν ὁ λύχνος ἐν τῇ ἀστραπῇ φωτίζῃ τε.

Я не выписываю здѣсь ни предшествующихъ, ни послѣдующихъ словъ, такъ какъ прямого отношенія къ ученію

о свѣтѣ они не имѣютъ, и, потому, въ редакціяхъ они не совпадаютъ.

Смысль же приведенныхъ строкъ для всякаго непредубѣжденаго и не отуманенного ни схоластикой, ни каббалистикой, читателя долженъ быть ясенъ. Рѣчь идетъ, очевидно, о внутреннемъ свѣтѣ по аналогіи съ свѣтомъ физическимъ (нужнымъ для „тѣла“), приемникомъ котораго служить человѣческій глазъ.

Господь, указывая, быть можетъ, на горѣвшій передъ нимъ свѣтильникъ (см. ред. Лк.) и бера отсюда свой образъ, какъ это Онъ дѣлаетъ неоднократно, называетъ глазъ „свѣтильникомъ тѣла“ (обѣ редакціи).

Основаніемъ такого сравненія служить то назначеніе, которому служатъ глаза въ организмѣ, и свѣтильникъ въ домѣ. Подобно тому, какъ съ помощью свѣтильника вступающіе въ домъ различаютъ предметы, такъ и благодаря зрѣнію или глазу человѣкъ ориентируется въ мірѣ. Другое основаніе—въ самомъ устройствѣ того и другого, крупкомъ матеріалѣ, формѣ, размѣрѣ и т. д. Словомъ, ни съ чѣмъ другимъ сравненіе глаза не можетъ быть вѣрнѣе и изящнѣе, какъ со свѣтильникомъ (*λύχνος*).

„Если, поэтому“, продолжаетъ развивать свое ученіе Божественный Наставникъ: „глазъ твой простъ“, т. е. цѣль, здоровъ, чистъ, смотритъ прямо и т. д., то и „все тѣло твое будетъ свѣтлымъ“ (обѣ ред.), будетъ наполнено свѣтомъ, какъ наполняется имъ комната съ горящимъ впереди свѣтильникомъ, чтобы видны были окружающіе предметы. „Если же глазъ твой лукавъ“,—слѣпъ, боленъ, засоренъ,—„то и все тѣло твое будетъ темнымъ“ (обѣ ред.), будетъ погружено во мракъ, какъ бываетъ темна ночью комната, лишенная свѣтильника.

Конечно, рѣчь Христа о свѣтѣ и глазѣ не была вѣдь лекціей по офтальмологіи. Онъ не училъ о законахъ оптики. Его слова—„духъ и жизнь“, Онъ училъ о тайнахъ Царствія Божія, поучалъ законамъ вѣчной, божественной жизни. Тотъ же характеръ имѣло Его ученіе и здѣсь. Предшествующая рѣчь о „свѣтильникѣ“ и „глазѣ“ была лишь предвареніемъ, притчею, уподобленіемъ къ послѣдующему слову о „внутреннемъ свѣтѣ“, какъ обѣ одномъ изъ законовъ духовной, богочеловѣческой жизни.

„Если же свѣтъ, который въ тебѣ, есть тьма, то сколь велика тьма“ (Ме.). „Свѣтъ, который въ тебѣ“, это и есть евангельская формула *внутренняго свѣта*, такъ какъ только о немъ можно сказать, что онъ „въ тебѣ“, внутри человѣка, а не внѣ тебя.

Мысль Спасителя такова. Если есть въ тебѣ свѣтъ, если душа твоя озаряется имъ, какъ свѣтильникомъ домъ, то благо тебѣ. Но если свѣтъ этотъ, который долженъ быть внутри тебя, погасъ, уступилъ мѣсто мраку, сталъ тьмою,—то сколь велика, какъ ужасна, какъ опасна эта тьма! Насколько душа цѣннѣе тѣла, настолько свѣтъ внутренній, или духовный, важнѣе вѣшняго, физического и, обратно, настолько же внутренняя, духовная тьма опаснѣе, губительнѣе, ужаснѣе мрака ночи и слѣпоты. Выкальзывающій себѣ глазъ лишается органа, нужнаго только для временной жизни, (Ме. V, 29, и паралл.). Теряющій внутреннее зрѣніе утрачиваетъ съ нимъ вмѣстѣ и вѣчную, божественную жизнь, принадлежностью которой такъ же, какъ и жизни физической, является свѣтъ (Ин. 1, 4 и др.).

Евангелистъ Матеей сохранилъ только отрицательную часть этой мысли. Евангелистъ Лука выразилъ ее съ обѣихъ сторонъ: отрицательной и положительной.

„Смотри же, свѣтъ, который въ тебѣ, не есть ли тьма“? Это—отрицательная половина редакціи Луки. Мы обязаны слѣдить за внутреннимъ свѣтомъ, какъ смотримъ за свѣтильникомъ и глазомъ, подливаемъ масла, поправляемъ свѣтильню и т. д., лечимъ глазъ, вынимаемъ соринку и пр. То же обязаны мы дѣлать и въ отношеніи внутренняго свѣта. Небрежность здѣсь безконечно опаснѣе, чѣмъ въ отношеніи свѣтильника или глаза. Итакъ, мы должны тщательно наблюдать, чтобы свѣтъ, который въ насъ, не померкъ, не сталъ тьмою. Мы должны беречь свой „внутренній свѣтъ“, какъ „зѣницу ока“, какъ дорожимъ единственной спичкой въ домѣ...

Наоборотъ, „если все тѣло твое освѣщено, такъ что ни одной части въ немъ не остается темной“...—примѣнительно ко внутреннему свѣту, о которомъ главная рѣчь: если вся душа твоя, до послѣдняго, самаго отдаленаго уголка, освѣщена внутреннимъ свѣтомъ то „оно будетъ все свѣтлымъ, какъ бы свѣтильникъ освѣщалъ тебя яркимъ сияніемъ“—то есть, все существо твое будетъ тогда свѣтоноснымъ, оза-

ряясь изнутри точно блескомъ свѣтильника. Такова положительная часть редакціи Луки.

Итакъ, обѣ редакціи подъ таинственнымъ титломъ *τὸ φῶς τὸ ἐν σοὶ* говорятъ о внутреннемъ духовномъ свѣтѣ, аналогіей и параллелью котораго въ мірѣ физическомъ является свѣтъ видимый глазомъ, или внѣшній. Христосъ констатируетъ въ насъ присутствіе этого свѣта и учить беречь его, какъ сокровище.

Теперь намъ понятно также, почему, характеризуя глазъ Христосъ обозначаетъ его качество этическими терминами: *ἀλλοῦς* и *πονηρός*. Вѣдь глазъ является только подобіемъ, аналогіей того внутренняго, духовнаго ока, отъ цѣлости или порчи котораго зависить наше внутреннее зрѣніе. Это же око, будучи духовнымъ, должно характеризоваться непремѣнно словами, имѣющими этическое содержаніе. Благодаря этому, самая притча о свѣтильнике и глазѣ получаетъ характеръ еще болѣе прозрачного намека.

Сила „внутренняго свѣта“ такъ же, какъ и область его, можетъ быть различной: отъ „еваворскаго свѣта“ до обыкновенной „свѣтлой“ мысли включительно; отъ озаренія имъ одного разума до равномѣрнаго осіянія всѣхъ уголковъ души, когда „ни одной части въ ней не остается темной“.

Превосходную иллюстрацію этой частной мысли мы находимъ у Преп. Макарія Великаго.

„Иногда огнь сей возгорается и воспламеняется сильнѣе, а иногда какъ бы слабѣе и тише, въ иныя времена свѣтъ сей возжигается и сіяеть болѣе, иногда же умаляется и меркнетъ; и свѣтильникъ сей, всегда горя и свѣтѧ, иногда дѣлается яснѣе, болѣе возгорается отъ упоенія Божію любовію, а въ другое время издастъ сіяніе свое бережливо, и соприсущій въ человѣкѣ свѣтъ бываетъ слабѣе.

„Сверхъ того, инымъ во свѣтѣ являлось знаменіе креста и пригвождалось во внутреннемъ человѣкѣ. Иногда также являлось какъ бы свѣтоносное нѣкое одѣяніе, какого нѣть на землѣ въ вѣкѣ семъ, и какого не могутъ приготовить руки человѣческія. Ибо какъ Господь, съ Іоанномъ и Петромъ возведши на гору, преобразилъ ризы свои и содѣвалъ ихъ молніевидными, такъ бывало и съ онимъ одѣяніемъ, и обласченный въ оное человѣкѣ удивлялся и изумѣвалъ. Въ иное

же время свѣтъ сей, явясь въ сердцѣ, отверзалъ внутреннѣйшій, глубочайшій и сокровенный свѣтъ... Но послѣ сего благодать умалялась, и нисходило покрывало сопротивной силы; благодать же бывала видима какъ бы отчасти, и на какой-то низшей степени совершенства.

„Человѣку надобно, такъ сказать, пройти двѣнадцать ступеней, и потомъ достигнуть совершенства. Потомъ благодать снова начинаетъ дѣйствовать слабѣе, и человѣкъ нисходитъ на одну ступень, и стоить уже на одиннадцатой. А иной, богатый благодатю, всегда день и ночь стоить на высшей мѣрѣ, будучи свободенъ и чистъ, всегда пльненъ и выспренъ...“

„На дѣлѣ же бываетъ такъ: подобно сгущенному воздуху какая-то какъ бы примрачная сила лежитъ на человѣкѣ и слегка прикрываетъ его. Свѣтильникъ непрестанно горитъ и свѣтить; однако же, какъ бы покрывало лежить на свѣтѣ; и посему, человѣкъ признается, что онъ еще не совершенъ и не вовсе свободенъ отъ грѣха; почему, можно сказать, что средостѣніе ограды уже разорено и сокрушено, и опять въ иномъ чѣмъ-нибудь разорено не вовсе и не навсегда. Ибо бываетъ время, когда благодать сильнѣе воспламеняется, утѣшасть и упокоиваетъ человѣка; и бываетъ время, когда она умаляется и меркнетъ, какъ сама она домостроительствуетъ сie на пользу человѣку“... („Преп. отца нашего Марка Египетскаго духовныя бесѣды, посланіе и слова“. Пер. съ греч. Моск. Дух. Академіи. Изд. 4-е. 1904. Бесѣда 8-я. Стр. 69—70).

На какой бы ступени духовнаго просвѣщенія мы ни стояли, намъ заповѣдано беречь свой внутренній свѣтъ и стремиться къ высшему совершенству. Въ противномъ случаѣ—небреженія о внутреннемъ свѣтѣ,—онъ можетъ погаснуть, какъ гаснетъ выгорѣвшая до капли лампада, померкнуть, какъ меркнетъ глазъ, лишенный всякаго ухода, и намъ грозятъ духовная слѣпота и внутренняя тьма,—опасность смѣщенія истины съ ложью, добра со зломъ, красоты съ безобразiemъ, божественнаго съ человѣческимъ и даже съ сатанинскимъ, подобно тому какъ физически слѣпой или находящейся въ темной, неосвѣщенной комнатѣ человѣкъ смѣшиваетъ бѣлое съ чернымъ, письменный столъ принимаетъ за кровать, а стоящую въ углу швабру за самого хозяина.

Наставление Христа о внутреннемъ свѣтѣ примѣнimo сколько къ каждому человѣку, столько же и ко всякой эпохѣ. Нашъ вѣкъ гордится своей „просвѣщенностью“. И не напрасно! Сколько новыхъ разныхъ „лучей“ открыто за послѣднее время! сколько зрительныхъ стеколъ изобрѣтено человѣкомъ! Съ другой стороны и свѣточь науки горить такъ ярко, какъ никогда. Но все это „просвѣщеніе“—душевнотѣлесное, нужное только въ предѣлахъ пространства и времени. Между тѣмъ, какой смыслъ разматривать подъ микроскопомъ инфузорію и не заглянуть ни разу въ свою душу? Какая радость пользоваться электричествомъ и не видѣть никогда дневного, солнечного свѣта? Свѣтъ же солнечный, истинный свѣтъ, „просвѣщающій всякаго человѣка, вступающаго въ миръ“—свѣтъ внутренній, духовный. Онъ просвѣщаетъ и въ то же время животворить. Его—то въ современномъ человѣчествѣ и мало.

Лишенній внутренняго свѣта, человѣкъ являеть собою жалкій типъ „зрячаго слѣпца“, у котораго роговая оболочка глаза цѣла, но зрительный нервъ парализованъ. Такой человѣкъ не способенъ отличить истиннаго блага отъ призрачнаго. Ученый, безъ внутренняго свѣта, превращается въ сухого книжника, художникъ—въ фотографа пошлой обыденщины, общественный дѣятель—въ мертваго бюрократа, священникъ—въ бездушнаго требоисправителя. Хотя логическая оболочка „внутренняго ока“ у такихъ людей и цѣла, но нервъ убить; „свѣтъ жизни“ погасъ.

Внутренній свѣтъ есть одна изъ стихій духовной жизни, управляемой нравственными законами: какъ свѣтъ виѣшній есть стихія космической жизни, регулируемой законами необходимости.—Поэтому, мѣра внутренняго свѣта всегда будетъ соотвѣтствовать степени нашего духовнаго совершенства. Обиліе духовнаго свѣта возможно лишь подъ условiemъ высокаго нравственного совершенства. Въ этомъ мы фактически убѣждаемся на примѣрѣ и учени Святыхъ, соединявшихъ въ себѣ съ духовнымъ преносходствомъ и яркій, доходившій до виѣшняго осіянія, блескъ „внутренняго свѣта“.

Въ заключеніе я позволю себѣ—исходя изъ основной евангельской параллели, провести дальнѣйшую аналогію между свѣтомъ внутреннимъ и виѣшнимъ.

1. Дѣйствія виѣшняго свѣта несообщими. Безполезно говорить слѣпому о солнцѣ и свѣтѣ, цвѣтахъ и краскахъ, радиугѣ и сѣверномъ сіяніи. Онъ можетъ повѣрить вамъ на слово, признать все это, но ни яснаго представлениія, ни точнаго понятія, одними словами, безъ соотвѣтствующаго опыта, вызвать нельзя. Только зрячие люди могутъ понимать другъ друга, когда рѣчь идетъ о свѣтѣ.

Дѣйствія внутренняго свѣта также неизречены. Мы не можемъ ни понять надлежащимъ образомъ, ни ясно представить себѣ не только тѣхъ состояній, которыхъ известны у мистиковъ подъ общимъ именемъ „созерцаній свѣта“, но и,—что гораздо ближе къ намъ: сущности творческаго вдохновенія, интуитивнаго просвѣтленія мысли, если сами этого не испытывали. Изреченія священныхъ и богослужебныхъ книгъ, отеческихъ твореній о „свѣтѣ“—пустое мѣсто для насъ, хотя ихъ тамъ такъ много и такъ они выразительно-ярки. Если мы не совсѣмъ отрицаемъ подобные выраженія и факты, мы игнорируемъ ихъ или интерпретируемъ въ узко-интеллектуальномъ смыслѣ. Только люди, „просвѣщенные“, могутъ понять и оцѣнить, что значитъ „внутренній свѣтъ“ и каковы его дѣйствія. Однако, какъ бы непонятны и странныи намъ ни казались подобные феномены: мистическая озаренія, єаворскій свѣтъ, пророчество, ясно-видѣніе вдохновеніе, интуиція и пр.—эти радуги и излученія внутренняго свѣта, мы, хотя на слово, обязаны вѣрить тѣмъ, кто это испыталъ и не отрицать, по крайней мѣрѣ, самаго существованія „внутренняго свѣта“.

2. Если для зрячихъ людей природа виѣшняго свѣта представляеть загадку, то еще болѣе таинственна природа свѣта внутренняго. Существо этого свѣта божественно-непостижимо.

Наука пытается различными гипотезами опредѣлить природу свѣта, но пока безуспѣшно. Ученые и философы мыслили и мыслятъ о свѣтѣ различно. Одна гипотеза смыняеть другую.

Декартъ представлялъ себѣ свѣтъ, какъ давленіе, производимое свѣтящимся тѣломъ на глазъ, чрезъ посредство наполняющей пространство матеріи. Теорія эта была скоро отброшена, такъ какъ соединялась съ ученіемъ о мгновенной передачѣ свѣта отъ предмета къ наблюдателю. Декарту еще не известно было, что свѣтъ имѣть опредѣленную скорость,

впервые установленную Ромеромъ. Тѣмъ не менѣе мысль о давлениі свѣта, какъ показали новѣйшія изслѣдованія (напр., Лебедева), оказалась по существу правильной. Изъ двухъ соперничавшихъ послѣ того гипотезъ: эманаціонной—Ньютона и вибраціонной—Гюйгенса, верхъ на долгое время одержала послѣдняя.

Большинству ученыхъ казалось не возможнымъ, чтобы частицы, или корпускулы свѣтовой матерії, могли съ такой скоростью, какая была установлена для свѣта, пробѣгать пространство, что утверждалось теоріей эманації. Имъ вмѣстѣ съ Гюйгенсомъ легче было представить себѣ только передачу съ такою именно скоростью (200,000 кил. въ секунду) по волнамъ аэриа енергіи отъ источника свѣта къ органу зрѣнія. Устранились этой гипотезой и другія затрудненія въ пониманій явлений свѣта. Но главнымъ основаніемъ была для нихъ все же трудность представленія такой скорости материальныхъ частицъ, съ какою свѣтъ распространяется въ пространствѣ. Имъ, какъ въ свое время Декарту—скорость свѣта, невѣдомы были ни ради, ни другія новѣйшія открытія въ области физики, преодолѣвающія всѣ подобныя затрудненія. Теперь же, когда открыты лучи радиа, иѣкоторыя изъ частицъ котораго обладаютъ скоростію свѣта, главное возраженіе противъ эманаціонной теоріи падаетъ. Имѣя же, въ другомъ отношеніи, преимущества предъ вибраціонной теоріей, эманаціонное ученіе получаетъ въ наши дни все большій и большій перевѣсъ, такъ что въ концѣ концовъ Ньютонъ оказывается болѣе правъ, чѣмъ Гюйгенсъ. Но мы еще не знаемъ, какимъ открытиемъ и какой теоріей насъ можетъ подарить будущее.

Указанное разнообразіе и колебаніе научной мысли о природѣ физического свѣта поучительно въ томъ отношеніи, что, если мы такъ мало знаемъ о явленіяхъ окружающего насъ міра, если, несмотря на всю ихъ общедоступность и каждодневный опытъ, они оказываются трудно постижими, то духовный міръ кроеть въ себѣ еще болѣе тайнъ и, потому, явленія его, къ которымъ относится „внутренній свѣтъ“, еще менѣе объяснимы. Кто постигъ секретъ вдохновенія поэта? Какой психологъ понялъ тайну творчества? На высшихъ же ступеняхъ христіанской мистики, „внутренній свѣтъ“ есть „велія благочестія тайна“.

3. Пріемникомъ внѣшняго свѣта служить глазъ, источникою солнце,—центральное свѣтило, по крайней мѣрѣ, для нашего земного и вообще солнечнаго міра. Есть также свой органъ и свой объективный источникъ у свѣта внутренняго. Такимъ органомъ выступаетъ разумъ, почему внутренній свѣтъ называется „умнымъ“, иногда сердце, или совѣсть. Источникомъ же является Богъ—Центръ всего духовнаго міра. „Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрять“ (Ме. V, 8). „Богъ—возвѣщаетъ отъ Лица Сына Его евангелистъ-Богословъ: „есть свѣтъ, и нѣть въ немъ ни какой тьмы“ (1 Ін. 1, 5). На солнцѣ есть все-таки пятна. А Богъ—Солнце безъ пятенъ. Самъ будучи для Себя Свѣтомъ, Онъ является Источникомъ всякаго, по преимуществу же внутренняго свѣта и для другихъ существъ. Оттого—въ своихъ высшихъ обнаруженияхъ „внутренній свѣтъ“ есть „свѣтъ Божественный“. Это признаютъ всѣ мистики.

4. Свѣтъ физической дѣлаетъ видимыми всѣ окружающіе насъ предметы. Свѣтъ духовный, озаряя нашъ внутренній міръ, даетъ возможность на высшихъ ступеняхъ „созерцать“, на низшихъ—понимать объекты міра невидимаго, ихъ соотношенія и связь; открываетъ тайны прошлаго и будущаго; вводить въ постиженіе религіозныхъ истинъ, умозрѣній, идей.

Физический свѣтъ не только свѣтить, но и грѣеть, оплодотворяетъ. Равнымъ образомъ и духовный свѣтъ, не просвѣщаетъ лишь, но и радуетъ, животворить.

Внѣшне-физический свѣтъ не есть ни магнетизмъ, ни электричество, ни какой-нибудь газъ. Это особый родъ энергіи, особый продуктъ Божественнаго Творчества. Внутренне-духовный свѣтъ также не отожествимъ ни съ совѣстью, ни съ разумомъ, ни съ сердцемъ, хотя всѣ эти стороны нашей души въ большей или меньшей степени могутъ быть проникнуты имъ. Это особый факторъ внутренней жизни, самобытное явленіе, не сводимое ни на одну изъ душевныхъ дѣятельностей.

Свѣтъ физической, по своему матеріальному субстрату, являетъ собою, въ отношеніи къ нашему тѣлу внѣшне-объективную реальность. Нашъ глазъ служить только пріемникомъ свѣта, органомъ его уловленія. Духовный свѣтъ, въ своей непостижимой сущности, превыше всякой души. Онъ

присущъ духовному міру, какъ цѣлому. Чистое сердце, воз-
вышенный умъ, чуткая совѣсть и пр. только средство его
созерцанія. Но самъ по себѣ онъ трансцендентъ въ отно-
шении нашего духа.

A. Туберовскій.
